

Статьи И. Бутмана для Америки

БЕЗВЕСТНАЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ

Льву Термену предстояло продемонстрировать свое изобретение. Он очень волновался. А когда Лев Сергеевич увидел, что в небольшом зале сидят люди, которые так хорошо знакомы каждому советскому человеку, то совсем растерялся.

Термен включил установку. На экране показался кремлевский двор, по которому шествовал Сталин.

– Это что же, – испуганно вскочил со своего места Ворошилов, – получается, что мы следим за товарищем Сталиным?!

Лев Сергеевич знал, что телевизионные аппараты существовали в мире и до него. Но их экраны были не крупнее спичечного коробка, а его телевизор был просто огромным – полтора на полтора метра, да и по своим техническим показателям резко превосходил все предыдущие. Но шел 1927 год. Сталину удалось значительно укрепить свою личную власть. Расправлялся он не только с противниками, но и с единомышленниками. Очень многие жертвы репрессий были коммунистами, в том числе и высокопоставленными. Уже тогда Сталин отличался исключительной подозрительностью. Потому-то Ворошилов и испугался.

Изобретение Термена тут же засекретили и «похоронили» в архивах.

А поскольку у американцев не было ни Сталина, ни высокопоставленных советских работников, то через некоторое время телевидение изобрели и они.

После этого Лев Сергеевич изобрел новый музыкальный инструмент – терменвокс. Игра на нем – это изменение расстояния от рук до чутких антенн инструмента. От этих движений изменяется частота звука. Одна антенна регулирует его тон, вторая – громкость.

Лев Сергеевич был не только физиком, но и замечательным музыкантом, который к тому же закончил и консерваторию. Он не остановился на одном инструменте, а подарил миру еще два: ритмикон и терпситон.

Изобретатель дал несколько публичных концертов, на которых он играл на терменвоксе. На одно из таких выступлений попала группа американских музыкантов. Иностранцы были потрясены звучанием этого инструмента.

Американцы сделали Советскому Союзу очень выгодный заказ на изготовление нескольких тысяч терменвоксов. Правда, они поставили при этом условие – приезд к ним Термена для популяризации своего изобретения.

Нелегко было в те времена получить разрешение на поездку за границу, да еще и в логово идеологического врага – в Америку. Но Льва Сергеевича туда выпустили. Правда, сначала вызвали в соответствующие органы. А чему эти органы соответствовали Термен хорошо знал.

Отъезд не только разрешили, но и решительно его рекомендовали. А от таких рекомендаций отказаться было практически невозможно.

Музыканту-изобретателю предоставили в США лучшие залы, которые всегда были переполнены.

Однажды Льву Сергеевичу позвонил неизвестный:

– Здравствуйте, господин Термен! Мне очень неудобно вас беспокоить, но я, говорят, неплохо играю на скрипке. Мечтаю вместе с вами промузичировать дуэтом с терменвоксом.

– Да кто вы такой?! – грубо поинтересовался уставший Лев Сергеевич.

– О, простите, я не представился, меня зовут Альберт Энштейн.

Великий Энштейн оказался и очень хорошим скрипачом. Однажды он признался Термену, что мечтает соединить волшебные звуки музыки с пространственными образами. Сам Энштейн сделать этого не мог, а Термен смог. Он изобрел светомузыкальный инструмент ритмикон.

Терменвокс американцев пленил. Они называли его инструментом небесной музыки. Изобретатель и исполнитель стал популярнейшим человеком.

Однажды Льва Сергеевича посетил величайший музыкант того времени – гениальный Иегуди Менухин. Затем познакомиться с ним пожелали два великих композитора – Джордж Гершвин и Морис Равель. Незабываемой была и встреча с Чарли Чаплиным. Сочли за честь подружиться с Терменом Джон Рокфеллер и будущий президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхаузер. Но больше всего Лев Сергеевич дорожил знакомствами с высокопоставленными американскими военными и политиками. Ведь он вынужден был выполнять данное определенным органам обещание.

В августе 1929 года в США начался экономический кризис. В октябре страну ожидал еще и биржевой крах. Положение катастрофически ухудшалось. Промышленность почти перестала функционировать. На улицы вышли недовольные безработные.

«Соответствующие органы» Льва Сергеевича не финансировали. Он сам зарабатывал себе на жизнь и на шпионаж. Но завод, производящий музыкальные инструменты Термена, сократил их выпуск. И на концерты популярного музыканта-изобретателя купить билеты могли уже не все желающие. Разорились многие преуспевающие знакомые Льва Сергеевича.

Но самого Термена финансовый кризис не коснулся. В голодной тогда Америке даже некоторые бывшие почтенные отцы семейств превратились в грабителей. Волны преступлений затопили страну. Сообщения о нападениях на банки, о грабежах магазинов и квартир заполнили газеты. Термен разработал к тому времени уникальную охранную сигнализацию. Она была настолько хороша, что ее

немедленно запустили в производство и раскупали как аппетитные горячие пирожки. Эту сигнализацию установили даже в финансовом храме страны – форте Нокс, где хранился золотой запас Америки.

Это сейчас фамилия Термен почти никому уже ничего не говорит, а в 1934 году она была в списке 25 самых знаменитых людей планеты. Одни в эти годы, разорялись, а другие обогащались. Лев Сергеевич стал членом клуба миллионеров.

Однажды Термен познакомился с Лавинией Вильямс. Эта молодая женщина сразу покорила его сердце. Вскоре они поженились.

Когда после этого Лев Сергеевич попытался привычно посетить дом Дюпонов, слуги даже не пустили его на порог. Многие другие знакомые Термена тоже прекратили с ним всякие контакты.

До сих пор, довольные его деятельностью, «органы» не вмешивались в жизнь Льва Сергеевича. Но после того как, женившись на мулатке, он лишился поставщиков секретных сведений, Термена срочно вызвали на родину, где вскоре арестовали.

Выяснилось, что Лев Сергеевич, работал, оказывается, на половину разведок земного шара и входил в целый ряд террористических еврейских организаций. А еще он должен был уничтожить всех членов советского правительства. После чего обязан был, переодевшись в форму морского капитан-лейтенанта, уничтожить автомобильный завод имени Сталина – «ЗИС».

Подписывая протоколы допросов, Термен хотел поинтересоваться, а для чего ему понадобилась форма именно капитан-лейтенанта, но сил на это у него уже не хватило.

Льву Сергеевичу повезло, его даже не расстреляли, а отправили в лагерь на Колыму. Там он, устав от перевозок полных тачек, изобрел новую – самоходную, на монорельсе.

Начальство тут же перевело его в «шарашку» зэка Туполева, где ассистентом зэка Термена был зэк Сергей Павлович Королев.

Лев Сергеевич отличился и здесь, благодаря нескольким значительным разработкам. В «шарашке» он изобрел и систему подслушивания «Буран».

Со слезами умиления на глазах принял американский посол подарок советских пионеров – деревянное панно. Ему невдомек было, что оно оборудовано цилиндром с мембраной. Посол повесил панно у себя в кабинете.

В конце концов американцы поняли откуда идет утечка информации. Но это не очень им помогло. У них ведь Термена не было, а у нас был. Лев Сергеевич придумал новую каверзу, он сообразил как использовать вместо мембраны оконное стекло.

В Кремле по этому поводу был настоящий праздник. Сделали подарок и Льву Сергеевичу. Его, жертву сталинизма, наградили прямо в тюрьме Сталинской премией, а вскоре и выпустили на свободу.

Термен устроился на работу в акустическую лабораторию консерватории. Но один американский корреспондент взял у его начальника интервью. Узнав, что здесь работает легендарный Термен, журналист раззвонил об этом по всему миру. На адрес лаборатории пошли потоки писем и приглашений Термена в разные страны. Испуганное начальство спешно уволило Льва Сергеевича, а его разработки на всякий случай уничтожило. А ведь это был уже почти готовый синтезатор, который вскоре придумали и в Японии.

Гениальному изобретателю пришлось теперь работать простым механиком.

Однажды, возвращаясь в свою коммуналку, Термен обнаружил, что его вещи и записи и здесь выброшены на помойку, а комнату заняли соседи.

Пришлось срочно переезжать к дочери, на квартире у которой, в нищете и безвестности, он скончался в 1993 году.

Илья Бутман

БЛАГОДАРНОЕ ОТЕЧЕСТВО

В 1948 году Советский Союз занимался подготовкой к юбилею – семидесятилетию Сталина. Весь мир должен был увидеть неистовое народное единство вокруг обожаемого советскими людьми человека – «великого кормчего», «зодчего коммунизма», «локомотива революции» и т.д.. Но какое тут единство, если летом 1949 года на Красной площади прямо перед Кремлем, пред светлыми очами товарища Сталина прошла демонстрация недовольных своим бесправным положением фронтовиков-инвалидов! Они «скакали» на своих костылях, ковыляли и передвигались на самодельных тележках. «Отец народов» был в ярости. Он приказал немедленно очистить Москву от этого «мусора». Сталинское повеление послужило началом многолетнего преследования тех, кто отдал здоровье за свою родину.

Правоохранительные органы тут же принялись выполнять приказ. И не только в Москве. Инвалидов и нищих начали выметать из городов. Органы безопасности хватили неугодных граждан, отвозили их на железнодорожные станции, где тех уже ждали специальные поезда, и увозили в дома-интернаты. Эти интернаты располагались, в основном, в заброшенных монастырях. Некоторых московских инвалидов, например, разместили в Ногинске, в бывшем лагере для немецких военнопленных. Можно себе представить насколько там было уютно! При этом паспорта и солдатские книжки у инвалидов отбирали.

Борьба с нищими инвалидами войны продолжалась еще долго. В 1951 году совет Министров СССР принял секретное постановление «О мероприятиях по

ликвидации нищенства и усилению борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами».

Этих «паразитирующих элементов» оставалось на свободе еще много. Вот официальная милицейская справка: «Во втором полугодии 1951 года задержано 107 766 человек, в 1952 году — 156 817 человек, в 1953 году — 182 342 человека... Среди задержанных нищих инвалиды войны и труда составляют 70%...».

Ряды бездомных инвалидов войны пополнялись и теми искалеченными воинами, от которых отказывались их семьи. В 1951 году Президиум Верховного Совета Советского Союза принял очередное решение «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами». Предлагалось этих «паразитов» – тех, кто не работает, и бездомных, силой высылать в отдаленные районы страны. Продолжалось расширение сети домов инвалидов.

Для этого в 1954-1955 годах для приема увечных фронтовиков были переоборудованы 13 тюрем. Видимо, не от очень хорошей жизни многие оттуда бежали и возвращались к своему нищенскому существованию. Отток из этих заведений был настолько велик, что было принято решение преобразовать часть домов инвалидов в дома закрытого типа с особым режимом. Тюремные здания вполне этому соответствовали. На окнах снова появились решетки, охрана была усилена, наказания ужесточены. Само по себе определение того времени «особый режим» хорошо нам знакомо по сталинским лагерям. А то, что они были еще и закрытого типа, означало: делай со своими подопечными что хочешь, проверять тебя никто не будет.

Конечно же, после Второй мировой войны в Советском Союзе было очень много инвалидов. Казалось бы, этими людьми, потерявшими здоровье в боях с фашистами, надо гордиться. Но ничего подобного. Видимо правительство считало, что изуродованные фронтовики – это бесполезный сброд, от которого нет никакого толка. Никто не думал о том, как улучшить условия жизни своих героев, как проявить о них хоть малейшую заботу.

По статистике послевоенного времени в Советском Союзе насчитывалось два миллиона шестьсот пятьдесят тысяч инвалидов. При тогдашней средней зарплате 515 рублей, им выделили пенсии от 70 до 150 рублей.

Прожить на такую сумму было очень сложно, ее едва хватало на дешевую еду. И если возникала необходимость купить новую одежду или что-то отремонтировать, то от этих «излишеств» приходилось отказываться.

Голодные, они стояли на папертях, просили милостыню у прохожих, иногда звонили в квартиры – умоляли помочь. К тому же беспросветная жизнь бывших фронтовиков-героев, а ныне инвалидов, приводила многих из них к беспробудному пьянству.

Как правило, пусть увешанные орденами, но нервные, неряшливые, неприкаянные, часто пьяные инвалиды раздражали население, вызывали брезгливость.

По радио, в газетах и журналах сообщалось, что страна бесконечно благодарна своим героям, а на самом деле все происходило совсем по-другому.

Цинизм, с которым относилось к изуродованным фронтовикам правительство, передался и многим рядовым гражданам. В медицинских учреждениях и в народе их наделили самыми унижительными прозвищами. Одноногих инвалидов называли «кенгуру», безруких – бескрылыми, совсем безногих на самодельных роликовых тележках – «самокатами», раненых в область таза – «кривобокими», с поврежденными позвоночниками – «паралитиками», с изуродованными лицами – «квазимодами».

В 1945 году Народный комиссариат внутренних дел вдруг постановил, что должны быть изъяты все фотографии инвалидов, которые своим убогим видом подрывают имидж Советского Союза в глазах всего мира. Почему-то власти решили, что за этими снимками охотятся агенты иностранных разведок. Инвалидам категорически запретили отправлять свои фотографии по почте.

Одним из самых известных мест заточения фронтовиков-инвалидов стал остров Валаам, на который их начали доставлять в 1950 году.

Инвалидов расположили в зданиях бывшего монастыря, некоторые строения которого не имели даже крыш. Два года там не было и электричества. Многие «пациенты» монастыря умерли здесь в первые же месяцы пребывания.

Значительную часть местных инвалидов составляли так называемые «сталинские самовары» – люди без ног и рук.

Историк и искусствовед Евгений Кузнецов сорок лет работал на Валааме экскурсоводом, он собственными глазами видел все то, что здесь творилось, о чем и написал в своей «Валаамской тетради». Кузнецов рассказал, что медики практически не занимались инвалидами, даже белье они им меняли раз в несколько месяцев. Кормили бывших фронтовиков очень плохо, воруя предназначенные для них продукты.

Местом «прогулок» для «самоваров» служил большой монастырский яблоневый сад. Сюда инвалидов привозили на тележках, и в корзинах подвешивали к веткам. Бывало, на ночь забывали их снять. А ночи в Карелии холодные.

Ужасы пребывания на Валааме героев войны описаны многими писателями и журналистами, зафиксированы историками. Евгений Кузнецов возмущался:

«Страна Советов карала своих инвалидов-победителей за их увечья, за потерю ими семей, крова, родных гнезд, разоренных войной. Карала нищетой содержания, одиночеством, безысходностью. Всякий, попадавший на Валаам, мгновенно

осознавал: «Вот это – все!» Дальше — тупик. Дальше — тишина в безвестной могиле на заброшенном монастырском кладбище».

В 1974 году художник Геннадий Добров приехал на Валаам и написал портреты нескольких оставшихся в живых инвалидов. На одной из его работ изображен летчик – Герой Советского Союза Григорий Волошин. Этот человек остался без рук и без ног, кроме того он не мог ни говорить, ни слышать. Волошин провел на Валааме почти 30 лет. В 1994 году на выставке Доброва сын Волошина увидел портрет своего отца. Волошин младший прибыл на Валаам, его отец к тому времени уже умер. Потомок установил отцу памятник с трогательной надписью.

Остальные простенькие могилы искалеченных фронтовиков давно уже заросли сорняками и разваливаются.

Илья Бутман

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ РУКИ

Произошло это очень давно, в прошлом веке, в моей доармейской юности, когда еще вовсю бушевала советская власть. Но это воспоминание до сих пор меня не покидает.

Рано утром я шел на работу. Мой путь лежал по Московскому проспекту Ленинграда. Накануне я был на дне рождения у своего друга, поздно лег, а встал как всегда в будни, рано, и засыпал на ходу. Когда приблизился к Фрунзенскому универмагу, мне вдруг почудилось, что я слышу женские крики. Поднял глаза и увидел, как одна дама опрокинула другую и колотит ее головой об асфальт. Две другие женщины таскали друг друга за волосы. Дама преклонных лет, на которой была уже разорвана кофточка, с болтающимися на бегу оголенными грудями, сбила кого-то с ног, но тут же была опрокинута другой женщиной.

Я присоединился к небольшой группе мужчин, бросившихся разнимать женских людей. Пользуясь своим огромным численным преимуществом и переполнявшей их яростью, они легко отбили нашу атаку. Лично мне одна из этих фурий успела расцарапать лицо. Второго нашего приступа не свершилось благодаря появившейся милиции.

Позже я узнал причину этого побоища. Заранее стало известно, что в универмаг завезут итальянские женские сапоги. За много дней до этого события люди начали записываться в очередь. Доброволками, которые за свою кипучую деятельность должны были получить эту обувь первыми, составлялись общие списки. Каждой потенциальной покупательнице сообщался номер ее очереди. При этом свой номер, как это вообще тогда было в этих случаях принято, записывали почему-то на руке. Иметь номер оказывалось еще недостаточно, нужно было его постоянно подтверждать. Время от времени устраивались переклички. Если человек опаздывал или вообще не мог прийти отметить, его тут же безжалостно и сладострастно вычеркивали из списка. Предъявлять позже руку с номером было

бесполезно. Таким людям иронично объясняли, что без переклички рука документом не является.

Среди женщин, которые понимали, зарегистрированная очередь настолько велика, что сапоги им уж точно не достанутся, нашлись активистки, провозгласившие: «Такая запись совершенно незаконна, мы придем ко входу в универмаг рано утром и займем очередь первыми». Но, как оказалось, женщины из списка появились там еще ночью. Это и послужило сигналом к сражению.

Если бы не столь мощная драка, то на эту очередь никто бы особого внимания не обратил. Ведь в этих пресловутых очередях стояла тогда вся страна. И было сие настолько же привычно, как дождь за окном или многочисленные сообщения по радио о том, какие капиталисты сволочи, а мы молодцы.

Один мой коллега, выступая перед молодежной аудиторией, предался воспоминаниям о советском периоде своей жизни. Рассказал он и о диких очередях, вспомнил, как часами стоял за туалетной бумагой. Поведал о женщинах в шикарных шубах, опоясанных рулонами туалетной бумаги аки революционные матросы пулеметными лентами. Народ смотрел на них с завистью и с уважением, еще бы, смогли «достать» такой важный и дефицитный товар. Выслушав все это, часть публики возмущенно покинула зал. Молодые люди решили, что дяденька писатель беззастенчиво им врет, ибо быть такого не могло никогда, нигде, ни в коем случае и не при каких обстоятельствах. Но это было, было, было! Я таких преисполненных гордости дам неоднократно видел собственными глазами.

В те времена был популярен такой анекдот: Американский посол в сопровождении советского официального лица проходит мимо универмага и видит гигантскую очередь. Он интересуется, что это такое, и пробирается к прилавку. Сопровождающий объясняет, что это «выбросили» отечественную обувь. Брезгливо разглядывающий ее американец говорит: «Ну и правильно, у нас такое тоже выбрасывают»

«Выбросили» означало тогда «вынесли».

Заранее записавшиеся в очередь граждане хотя бы знали, что именно в строго определенный день они имеют хоть какую-то надежду купить. Но были и такие очереди, где никто не имел об этом понятия. К открытию универмагов, отталкивая друг друга, народ мчался к прилавкам, в том числе и к тем, на которых вообще никаких товаров не было. А вдруг что-нибудь выбросят? Если ничего здесь для продажи не появлялось, то простаивали весь день и «не солоно хлебавши» возвращались домой. Если что-то «выбрасывалось», то покупали любые вещи. Ведь кто-то где-то мог «достать» именно то, что тебе надо. Потом созванивались, обсуждали, кто что добыл:

– Что ты купила, детскую шубку? А какого размера? Ой, это как раз то, что нужно моей Машеньке. А я отхватила вчера мужское пальто, как раз на твоего Васю.

Встречались, если обе стороны такой обмен устраивал, то они тут же его производили.

Хорошо помню напряженные лица ленинградцев и гостей нашего города, заранее занимавших очереди до открытия магазинов. С такими лицами куда сподручнее было бы ходить на врага в штыковую атаку, а не рваться к прилавкам с немецким женским бельем, с венгерскими ботинками или югославскими сумочками.

Были и такие очереди, которые длились годами. На мебель, на ковры и на многое другое. Моя тетья, например, отмечалась на холодильник пять лет. В очередь на машину можно было встать и на работе. Но для этого надо было являться хорошим производственным и, желательно, пить меньше других, особенно на работе. Очень помогало и членство в коммунистической парии. Только в ней, разумеется, ибо других не было.

В те времена, когда мяса в Ленинграде было достаточно, к прилавку из глубины магазина выносили его свеженарубленные части. Лучшие куски расхватывали, а те, что похуже, не трогали, ожидая очередного выноса. Но это мясо тут же разбирали приезжие. Они, как правило, говорили при этом, что ленинградцы зажрались, а для них и такое мясо в радость.

Приезжих ленинградцы не любили, особенно в очередях. Тогда по отношению к ним постоянно звучала фраза: «Понаехали тут!». А «понаехавшие» объясняли, что и у них тоже есть дети, которые тоже хотят есть. Иногда приезжим приходилось объяснять местным аборигенам, что как раз они-то этих коров и свиней на мясо и выращивают, но сами его в своих деревенских магазинах не видят.

Стоящие в очереди люди бдительно наблюдали за тем, чтобы никто в их более-менее стройные ряды не проник. Ветеранов Великой Отечественной войны, которых чуть ли не на руках носили в День победы, в очередях люто ненавидели, ведь те имели право совершать покупки первыми.

Нередко к тем, кто замыкал колонну страждущих, подходил человек, говорил, что его очередь уже подходит, и он готов ее продать. За вменяемую сумму народ на это соглашался. Это был такой вид заработка, как правило, на водку.

Но если эти очереди разворачивались на моих глазах в Ленинграде, то можно себе представить, что творилось на периферии. Став писателем-юмористом, я объездил со своей группой «Авторы на эстраде» значительную часть Советского Союза. Ничем особым периферийные очереди от ленинградских не отличались, разве что были более унылыми, ведь там снабжение товарами обстояло еще хуже.

Свершилась перестройка, советская власть рухнула. На смену ей пришел капитализм. Первое время некоторые продукты все в тех же очередях выдавались даже по талонам. Но время планируемой социалистической экономики прошло, партийные органы не указывали уже кому что производить. Предприниматели решали это теперь сами. К тому же рухнул «железный занавес». Вскоре в страну пришло изобилие. В магазинах появились даже такие продукты, о существовании

которых большинство советских граждан и не подозревало. Ни на машины, ни на холодильники никто в очередях уже не стоит. Все это свободно можно купить. Были бы только деньги. Номера на руках остались теперь только в памяти людей старшего поколения.

И с женскими сапогами у нас сейчас все в полном порядке. В том числе и с итальянскими, из-за которых при советской власти дамы на моих глазах калечили друг друга.

Илья Бутман

ЖАЖДА ЦЕПЕЙ

Личным приказом Иосифа Сталина в Советском Союзе была учреждена система ГУЛАГ (Главное управление исправительно-трудовых лагерей), которая просуществовала 26 лет. Условия жизни в таких лагерях были совершенно невыносимыми.

Например, Соловецкий лагерь. Многое из того, что там творилось, можно узнать и благодаря экспонатам музея, расположенного теперь на этой территории в одном из бывших бараков для заключенных. Там же сохранились и некоторые не отправленные арестантами письма, и признания местных охранников.

Сначала лагерь не имел никакого хозяйственного значения. Заключенных надо было «воспитывать», а значит издеваться над ними. Вот и «воспитывали». Например, охранники принуждали арестантов считать чаек. Как вы понимаете, совершенно необходимое занятие. Приказывали перетаскивать тяжелые камни, а потом приносить их обратно, точно на то же самое место. Если кто-то не выдерживал этой тяжести, ронял камень или приостанавливался, то тут же убивали двух человек. Зимой арестантов обязывали переливать воду из одной проруби в другую. Часто ученых, врачей преподавателей и священников выстраивали в ряд и заставляли их выкрикивать лозунги, восхваляющие Сталина, лагерное начальство, коммунистическую партию и самих охранников. Если кто-то делал это без энтузиазма, то его, в лучшем случае, избивали, а бывало, и пристреливали. Охранники вообще могли делать с заключенными все, что хотели. А очень часто эти молодые парни хотели женщин. Тем, конечно же, не под силу было выполнять все лагерные требования. Для ослабления нагрузки многие из них вынуждены были своим стражам отдаваться. Если же они этого не желали, то никто не мешал охранникам их насиловать.

Пришло время, и было принято решение, что лагерь на Соловецких островах должен «кормить себя сам». Сюда доставили новых заключенных, теперь, в

основном, рабочих и крестьян. Арестантов никто уже не заставлял считать чаек. Не до этого. Был провозглашен местный закон: «Хлеб по выработке», что означало, чем больше ты сделаешь, тем больше хлеба получишь. А норму нужно было выполнять на строительстве местной железной дороги, на вырубке леса и на других тяжелых работах. Это привело к тому, что резко повысилась смертность среди самых слабых и пожилых узников.

Конечно же, некоторые заключенные пытались из этого лагеря бежать. Но если можно было еще как-то надеяться пройти мимо плохо несущих свою службу вечно пьяных охранников, то спастись от голодного, но хорошо знающего окружающую местность населения представлялось задачей гораздо более сложной. Дело в том, что за каждого пойманного беглеца администрация лагеря выдавала по пять пудов пшеничной муки. Крестьяне предпочитали доставлять арестантов живыми, ибо за трупы платили хуже, всего лишь два пуда, да еще и ржаной муки. Об этом в варшавской газете «Экспресс Поранный» в своей статье «Ужасы Соловецкой каторги» написал польский гражданин Биллас. Он пять лет провел в этом аду, и чудом остался жив.

Лагерь Бутугычак, основанный в Магаданской области, справедливо называли долиной смерти. Заключенные добывали здесь урановую руду голыми руками, без малейших средств защиты. Из-за облучения арестанты выживали не больше двух недель. Им на смену гнали новых рабов. Всего в Бутугычаке погибли 380 тысяч человек.

Акмолинский лагерь был создан специально для жен «изменников родины». После ареста мужей за ними приходили. За кем-то сразу, а бывало, и через месяц. Хватали и везли в лагерь. Не давали даже переодеться. Некоторые женщины были в ночных рубашках и в тапочках, а кто-то в вечерних платьях. Своих маленьких детей матери должны были забирать с собой. В лагере малышей у них отбирали. Их держали в заключении до трех лет, а затем отправляли в детские дома. При этом часто меняли фамилии, чтобы если их мамам удастся выжить, им уже не удалось со своими детьми воссоединиться. Но далеко не все эти маленькие люди покидали территорию лагеря, некоторые из умирали там от голода и холода.

Прибывающих женщин тут же направлялись в душ, который они должны были покидать голыми. На выходе их встречало лагерное руководство, отбирающее себе невольниц для сексуальных утех. Некоторые заводили себе целые гаремы. Женщины были уже предупреждены – попробуют отказаться, будут сначала отданы на потеху своим стражам, а если после этого выживут, их искалечат.

Выбранных начальством женщин охранники трогать боялись, а остальных безнаказанно насиловали.

Всего в системе ГУЛАГ были сотни лагерей смерти.

Как только закончилась Вторая мировая война, домой начали возвращаться военнопленные – бывшие узники фашистских концлагерей. Большинство из них снова попадали в лагеря, но уже в советские. Сталин считал, что сдаваться в плен они не имели права.

Как утверждает тщательно изучивший доступные документы историк Павел Полян, большинство солдат Красной армии попали в плен в первый год войны, к которой армия совершенно не была подготовлена. По приказу Сталина было уничтожено множество офицеров из высшего командного состава, наиболее опытных и инициативных. Группе генералов и маршалов были предъявлены надуманные обвинения. Большинство из них после длительных пыток расстреляли, часть распределили по лагерям и тюрьмам. В лагеря попали и многие офицеры рангом ниже.

Сталинским режимом были допущены и другие преступления, благодаря которым немцам удавалось в начале войны уничтожать целые армейские подразделения и стремительно продвигаться вперед. Потому-то окруженные фашистами красноармейцы и сдавались в плен целыми дивизиями.

Будучи Кроносом, поедающим своих детей, Сталин расправился и с Коминтерном (коммунистический интернационал). Целью этой международной организации была большевистская революция во всем мире. Но у Коминтерна существовало свое руководство, Сталин не обладал там абсолютной полнотой власти. К тому же отдельные коммунистические партии, члены этой организации, не всегда и не во всем с ним соглашались. Это являлось преградой на пути к абсолютной диктатуре. Кремлевский деспот к этому не привык, у себя в стране он такого не допускал. В первую очередь были схвачены те иностранные коммунисты, которые находились в Советском Союзе. А было их в СССР много, потому что они бежали от истребления с захваченных фашистами территорий. Все проходило по уже налаженному сценарию. Этим людей пытали, выбивая нужные палачам вынужденные признания о не существующих на самом деле преступлениях, а затем расстреливали или везли в лагеря смерти. Советские власти отправили часть немецких коммунистов на родину, где те, разумеется, были помещены в

гитлеровские концлагеря или расстреляны. Сталин, конечно же, прекрасно знал, что их в Германии ожидает.

Утверждения российских «патриотов» будто бы Сталин не знал о творящемся в Советском Союзе беспределе, не выдерживают ни малейшей критики, ибо эти репрессии были утверждены и направлены самим кремлевским сатрапом. Как в те времена говорили понимающие люди, без приказа Сталина и птичка погадить не посмеет. Насчет птичек я все-таки сомневаюсь, а вот органы госбезопасности подчинялись ему абсолютно.

Добывать признания так называемых «врагов народа» следователям НКВД (народный комиссариат внутренних дел) было необходимо, ведь все эти дела были фальсифицированы, а потому никаких доказательств у них не было, и быть не могло. В январе 1939 года Сталин шифрованной телеграммой напомнил руководителям партии и НКВД, что применение физического воздействия разрешено еще в 1937 году. Выполняя планы по наполнению лагерей рабами, силовики могло свободно хватать простых людей, а аресты высокопоставленных чиновников и известных деятелей культуры определял уже сам Сталин. Он же и регулировал необходимое, как ему казалось, количество массовых расстрелов.

Сохранились указания Сталина на переданных ему руководителем НКВД Ежовым протоколах допросов «несгибаемых» арестантов. Сталин ясно и четко вписывал в них свое резюме «Бить!»

«Сталинские соколы» настолько привыкли к пыткам, что по дороге к местам расстрелов прямо в машинах жестоко избивали приговоренных. Сохранились свидетельства о тех людях, которые скончались от этого еще до казни. В этом вообще не было никакого смысла, ведь «признания» от них давно уже были получены. Но верные слуги режима настолько вошли во вкус, что не могли уже остановиться.

Казалось бы, после всего этого народ должен был возненавидеть Сталина. Но ничего подобного, миллионы российских граждан до сих пор его просто боготворят. Толпы почитателей этого сатрапа выходят с его портретами на улицы всех городов. Среди них и немало людей, родные которых сгинули в лагерях, и даже тех, кто и сами в них побывали.

Почему же это происходит? Очень четко ответил на этот вопрос в одном из своих стихотворений, прекрасно знающий кто такой Сталин, поэт Юрий Нестеренко:

Раб – это не цепь снаружи,
Но жажда цепей внутри!

Но, конечно же, не все узники лагерей Сталиным восторгались. Одним из тех, кто его ненавидел, был Александр Исаевич Солженицын.

Родился Александр в глубоко верующей семье. Его отец был крестьянином, а мама казачкой. И крестьянам, и казакам пришлось прочувствовать на себе все «прелести» советской власти. Отношение родителей мальчика к существующему строю передалось и их сыну.

В младших классах школы мальчику пришлось очень тяжело. Обнаружив, что Саша носит крестик, одноклассники над ним издевались, не давали прохода. Однажды мальчика заметили входящим в церковь. А ведь коммунисты боролись с религией, называли ее «опиумом для народа». Солженицына предупредили, что если это повторится, то его не примут в пионеры (детская коммунистическая организация). Мальчик ответил, что и не собирается в нее вступать. Но постепенно юноша, под влиянием государственной пропаганды, проникся коммунистической идеологией.

В 1936 году Солженицын вступил в коммунистический союз молодежи, без чего было очень трудно сдать экзамены в университет на физико-математический факультет. Он настолько увлекся марксизмом-ленинизмом, что университетские лекции на эту тему его уже не удовлетворяли. Александр начал самостоятельно изучать книги идеологов коммунизма. Одновременно (увлекшись этим еще с седьмого класса), он писал стихи и эссе.

Во время Второй мировой войны, несмотря на запрет, Александр Исаевич вел дневник, который позже стал основой многих его произведений. На фронте он вообще много писал, отправляя свои рукописи в различные издания.

Капитан Солженицын прошел боевой путь от советского города Орла до Восточной Пруссии. Еще немного, и он оказался бы в Берлине.

Но Александр Исаевич Солженицын уже видел, что обвинения против многих советских граждан смехотворны, что их напрасно обрекают на пытки и смерть, понимал он и роль кремлевского сатрапа в ослаблении советской армии. Свое отношение к верховному правителю Александр Исаевич высказывал в письмах к своему другу. Военная цензура на это отреагировала. В феврале 1945 года Солженицын был схвачен, лишен воинского звания и доставлен в Москву, в

Лубянскую тюрьму, которая славилась особой жестокостью по отношению к политическим заключенным. Александра Исаевича приговорили к восьми годам сталинских лагерей, после которых он должен был отправиться в пожизненную ссылку.

В 1952 году у писателя обнаружили рак. По истечении срока заключения его отправили в ссылку в Казахстан, где в столице этой республики он лечился и преподавал в местной школе. В 1956 году, уже после смерти Сталина, Солженицыну разрешили вернуться в Россию.

Первые произведения Александра Исаевича нигде не печатали. Лишь в 1962 году его рассказ «Один день Ивана Денисовича» был опубликован в журнале «Новый мир». Затем этот рассказ был выпущен отдельной книгой и переведен на иностранные языки. В 1963 году Никита Хрущев запретил печатать роман Солженицына «В круге первом». Когда к власти пришел Леонид Брежнев, то Александру Исаевичу совсем уже не давали публиковаться. Причиной преследования Солженицына являлись его, на взгляд властей, антисоветские книги и публикации за границей.

В 1965 году работники КГБ изъяли рукописи и архивы писателя. В 1967 году Александр Исаевич тайно закончил свой знаменитый «Архипелаг ГУЛАГ». В 1968 году за границей вышли романы Солженицына «В круге первом» и «Раковый корпус». К 1970 году произведения опального писателя были опубликованы в 28 странах. На русском языке там были изданы 16 отдельных книг и шеститомное собрание сочинений. В том же году Александру Исаевичу присудили Нобелевскую премию.

Еще в конце шестидесятых годов в КГБ был создан специальный отдел, который занимался слежкой за Солженицыным. Писатель все более открыто высказывал свое мнение о советских властях, что привело к попытке его физического устранения. В 1971 году, во время поездки Александра Исаевича в Новочеркасск, ему скрытно был сделан ядовитый укол. Солженицын выжил, но долго после этого болел.

Не вызывает сомнения то, что если бы не многочисленные протесты множества международных организаций и общественных деятелей, КГБ обязательно закончил бы начатое им дело. Теперь властям оставалось только выслать писателя за пределы страны. В 1974 году лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын был выдворен из Советского Союза.

Илья Бутман

КАРАТЕЛЬНАЯ МЕДИЦИНА

Пытали совершенно буднично. Перебрасывались шуточками, рассказывали друг другу о домашних делах, хохотали над тем, какие причудливые позы принимали от невыносимой боли те, над кем они, люди в белых халатах, издевались. Из соседней палаты доносился площадный мат, топот ног, выкрики, предсмертные хрипы. Похоже, что подвыпившие санитары опять забивали кого-то насмерть.

Как ни странно это звучит, но в Советском Союзе существовала сеть больниц, задачей которых было не сделать больных здоровыми, а наоборот, превратить здоровых людей в психов.

Благодаря своему печальному опыту, Валерия Ильинична Новодворская смогла собственноручно составить список основных применяемых там пыток:

1. Избиение (уголовников охрана может забить сапогами до смерти, я такие случаи помню; политических – нет, их надо сломать, но представить живыми).
2. Привязывание жесткое (до онемения конечностей, до пролежней; в особенных случаях привязывают так, чтобы веревки впивались в тело до крови. В таком состоянии могут продержаться неделю).
3. Сульфазин, или «сера» (везде был запрещен, кроме СССР). Одна инъекция, или сразу две – в разные точки, или даже четыре (в руку, ногу и под лопатки). Дикая боль в течение 2-3 дней, рука или нога просто отнимаются, жар до 40, жажда (и еще могут воды не дать). Проводится как «лечение» от алкоголизма или наркомании.
4. Бормашина. Привязывают к креслу и сверлят здоровый зуб, пока сверло не вонзается в челюсть. Потом зуб пломбируют, чтобы не оставалось следов. Любят удалять неубитый нерв. Все это делается профессиональным дантистом в зубоврачебном кабинете. «Санация полости рта». СПб (специальные психиатрические больницы) не имеют надзорной инстанции – жалобы не перешлют, а если переслать тайно – их все равно не примут ни в прокуратуре, ни в Верховном суде. Узник СПб бесправен даже больше, чем зэк (обычный заключенный). С ним можно сделать все. Насколько мне удалось узнать, бормашина применяется редко и только в Казани (испробовано лично).
5. Газообразный кислород подкожно. Вводят его толстой иглой под кожу ноги или под лопатку. Ощущение такое, как будто сдирают кожу (газ отделяет ее от

мышечной ткани). Возникает огромная опухоль, боль ослабевает в течение 2-3 дней. Потом опухоль рассасывается, и начинают сызнова. Применяют как лечение от «депрессии». Сейчас применяется к наркоманам как средство устрашения (чтобы боялись попасть в клинику). Вводят кислород 2-3 минуты, больше не выдерживают обе стороны (палачи глохнут от криков, жертва падает в обморок).

Политзаключенным вводят кислород по 10-15 минут. (Испробовано лично, 10 сеансов.).

II. То, чего у О'Брайена (герой романа Оруэлла «1984») не было:

1. Аминазин (очень болезненные инъекции, при этом вызывают цирроз печени, непреодолимое желание заснуть – а спать не дают, – и губят память вплоть до амнезии).
2. Галоперидол (аналоги трифтазин и стелазин, но они слабее). Создают дикое внутреннее напряжение, вызывают депрессию (черное излучение у писателей Стругацких), человек не может заснуть, но постоянно хочет спать, не может ни сидеть, ни лежать, ни ходить, ни писать (судороги рук изменяют почерк до неузнаваемости, не дают вывести букву), ни читать, ни думать. Неделя ударных доз – и нейролептический шок. Несколько месяцев – и потеря рассудка гарантирована.
3. Инсулиновый шок с потерей сознания (уничтожает целые участки мозга, снижает интеллект, память тоже пропадает).
4. Электрошок. Убивает сразу двух зайцев: во-первых, это пытка током, а, во-вторых, разрушается непоправимо мозг. Безусловно, политзэки, прошедшие через это, в реальности становились сумасшедшими.

Отец Валерии Новодворской, Илья Борисович Бурштын, участник Второй мировой войны, еврей, руководил отделом электроники в Московском научно-исследовательском институте. Мать – Нина Федоровна Новодворская, русская – внучка столбового дворянина.

Их дочка Валерия слышала иногда разговоры родителей о нападении возглавляемых Советским Союзом войск Варшавского договора на Чехословакию, о процессе Синявского и Даниэля, о кровавом вводе войск в Венгрию в 1956 году. Все это вызывало у девочки гнев, развило негативное отношение к советской власти.

Поступив в институт иностранных языков, Новодворская организовала подпольную студенческую группу, в которой рассматривалась необходимость вооруженного свержения коммунистической тирании.

Собрав своих единомышленников, Валерия произнесла страстную речь. Сначала она рассказала о том, как ослепленные ненавистью к религии большевики взорвали десятки тысяч храмов различных конфессий, некоторые из которых являлись уникальными памятниками архитектуры. Поведала и о массовых расстрелах священнослужителей. Потом напомнила о том, что в 30-х годах большевики выгребли в деревнях все запасы зерна, а самых успешных, значит и самых трудолюбивых крестьян, которых завистливые ленивые соседи называли кулаками, отправили в Сибирь или в лагеря. Благодаря этому в то время голодало около 40 миллионов человек. Около 8 миллионов человек от голода умерли. Рассказала о сталинских лагерях смерти, жертвами которых стали еще миллионы советских граждан. Она много еще о чем говорила, и все это время Валерию внимательно слушали. Темпераментность речи и убежденность в справедливости своих слов просто завораживали.

Так было и позже. Просто сторонники Новодворской слушали ее с симпатией и пониманием, а противники с ненавистью. Но враги не только слушали, но и действовали, ведь на их стороне были и власть, и сила.

В декабре 1969 года, на вечере, устроенном в честь Дня Конституции, Новодворская разбросала по залу Кремлевского дворца съездов рукописные листовки со своим стихотворением. Это не было попыткой познакомить зрителей со своим творчеством. Это были очень опасные для их автора антисоветские строчки. Валерию тут же арестовали.

Ее доставили в Лефортовскую тюрьму и заключили в отдельную камеру. Продержали там несколько дней. Полное одиночество очень плохо действовало на многих арестантов, благодаря чему они становились более сговорчивыми. В надежду на это ее камеру посетил глава диагностического центра Института судебной медицины, он же полковник Комитета государственной безопасности, Даниил Лунц. Он мягко и ласково заговорил о том, что ей, Валерии Ильиничне, следует подумать о своем поведении, о том, что она живет в прекрасной стране, и о том, что пока еще не совсем поздно наладить свою жизнь. «В принципе, – добавил он, – нормальный человек против советской власти не пойдет, а ненормальных лечат в психиатрических клиниках. На первый раз мы спишем все на вашу молодость и на то, что вы просто поддались на агитацию тех, чье место именно там. Так что просто назовите нам имена тех, кто внушил вам эти крамольные мысли».

Но Новодворская не была расположена к спокойной беседе с полковником госбезопасности. Она объяснила Лунцу, что считает его инквизитором, садистом и гестаповцем.

Эти слова обошлись ей дорого. Валерию Ильиничну этапировали в Казань, где поместили в психиатрическую больницу на принудительное лечение с диагнозом «вялотекущая шизофрения, параноидальное развитие личности». При советской карательной медицине это было привычным определением для своих политических противников.

Это было первое, но не последнее заключение Новодворской в психиатрическую клинику.

В 1977 и 1978 годах Валерия Ильинична пыталась создать подпольную партию для борьбы с коммунистической партией Советского Союза. В 1978 году Новодворская стала одним из учредителей «Свободного межпрофессионального объединения трудящихся». Одной из основных задач этой организации стала борьба за то, чтобы профсоюзы боролись за интересы работников и перестали обслуживать власти.

Ничего удивительного, что Валерия Ильинична снова была помещена в психиатрическую клинику, на этот раз уже в Москве. И опять испытала ужасы карательной медицины.

В 1985 году в СССР произошла так называемая перестройка. Многие советские граждане надеялись на то, что теперь-то, наконец, можно будет свободно вздохнуть, избавившись от коммунистической диктатуры. Но Михаил Горбачев так не считал, настаивая на продолжении социалистического режима. Новодворская была разочарована. В 1988 году она приняла участие в создании антикоммунистической партии «Демократический союз». Валерия Ильинична выступила с решительным осуждением Горбачева в нелегальной газете «Свободное слово», демонстративно разрывала его портреты на митингах.

14 марта 1990 года, благодаря вмешательству Ельцина, была отменена статья конституции о руководящей роли коммунистической партии. Это означало и то, что теперь легально могли существовать и другие партии.

12 июня 1991 года первым президентом России был избран Борис Ельцин.

26 декабря 1991 года страна под названием Советский Союз перестала существовать. Каждая, теперь уже бывшая республика, обрела самостоятельность.

Сразу после перестройки закончился период так называемой холодной войны. Бесперывные обвинения по любому поводу в адрес западных стран прекратились.

Если раньше обычным гражданам было трудно получить разрешение на посещение других стран, то теперь такая процедура не требовалась. Появилась возможность, не опасаясь преследования властей, открыто высказывать свое мнение.

Увы, как всегда в послереволюционной ситуации, начались разброд и шатание. Воспользовавшись свободой, активизировались различные фашистские и бандитские группировки. Плановая социалистическая экономика сменилась на рыночную. Первое время товаров в магазинах не хватало, но вскоре положение начало исправляться. Предприниматели наладили выпуск собственной продукции, а то, чего не хватало, привозили из-за границы. В магазинах образовалось невиданное прежде изобилие, которое, правда, не всем было тогда по карману. О коррупции, сведения о которой едва просачивались в Советском Союзе, благодаря нынешней свободе печати писалось уже открыто.

В двухтысячном году новым президентом России был избран Владимир Путин. Народ возлагал на него большие надежды, но со временем многие поняли, что началось свертывание с таким трудом добытых демократических реформ. Постепенно усиливалось преследование инакомыслящих. Началось даже их физическое истребление. Одних убивали в парадных или на улице, другие погибали от ядов не только в России, но и за границей.

Валерия Ильинична все это очень хорошо понимала. В 2010 году она подписала обращение российской оппозиции «Путин должен уйти».

В 2012 году Новодворская была приглашена на митинг на Болотной площади, но заявила, что не хочет иметь ничего общего с фашистами и коммунистами, между которыми, как она неоднократно говорила, не видит особой разницы. В противовес этому митингу Валерия Ильинична организовала другой, на котором вместе со своими сторонниками требовала освобождения политических заключенных и устранения от власти Владимира Путина.

На 65-м году жизни из-за застарелой травмы ноги Новодворская попала в больницу с диагнозом «флегмона левой стопы». К медикам она тогда обращаться не стала. На этот раз обнаружилось заражение крови. Врачи помочь ей не смогли. 12 июля 2014 года Валерии Новодворской не стало. В официальном медицинском заключении указано, что умерла она от инфекционно-токсического шока.

16 июля проститься с ней в Сахаровский центр Москвы пришли тысячи людей. Телеграмму от Путина собравшиеся потребовали не читать, сочтя ее оскорблением памяти Валерии Ильиничны Новодворской.

Илья Бутман

ОСТРОВ ЛЮДОЕДОВ

Было пролито уже немало крестьянской крови, но все это, оказывается, являлось лишь началом. Настоящий большевистский террор против работающих крестьян начался в 1928 году. Сталину доложили, что план по хлебозаготовкам выполнили лишь на 60%, и он пришел в ярость. Было приказано «вытрясти» из крестьян хлеб, не считаясь ни с какими формальностями, что означало пренебрежение всеми законами. Хотя сами по себе большевистские законы и без того были вполне бандитскими.

В первые два месяца 1928 года в Сибири были осуждены около 2000 крестьян, за три месяца на Северном Кавказе арестовали 3500 землепашцев, а в апреле, по всей стране, еще 5500 человек.

Это привело к тому, что в 1928 году состоялось около полутора тысяч крестьянских восстаний, которые были силами ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) утоплены в крови.

В 1929 году в деревнях арестовано еще 50000 человек. Десятки тысяч крестьян были уничтожены и в 1930 году.

Как ни странно, самыми страшными палачами оказались молодые люди – деревенские комсомольцы (коммунистический союз молодежи), которые издевались над своими богатыми односельчанами почище чем взрослые. На глазах у избитых ими кулаков (наиболее процветающих земледельцев) они переодевались в их одежду, выгребали ценные вещи и деньги, которые тут же распихивали по своим карманам. Безднаказанность их просто пьянила. Комсомольцы жаждали крови, требовали уничтожать своих обеспеченных соседей «вплоть до последнего младенца». В селе Кирсановка на комсомольском собрании было принято решение расстрелять 30 своих самых обеспеченных соседей.

Комсомольцы ничуть не сомневались в своей правоте, ведь их старшие товарищи, коммунисты, учили тому, что все богатые люди – преступники, значит их имущество должно стать достоянием простого народа. Это считалось основой социализма

Разбушевавшимся комсомольцам не давали покоя не только живые, но даже мертвые «эксплуататоры». Известен, например, случай, когда озверевшие от ненависти комсомольцы выкопали из могилы гроб своего бывшего богатого односельчанина и выбросили его труп на дорогу. Этим молодые последователи коммунистов ясно и четко высказали свое мнение: «Богатым нет места не только на земле, мы и под землей их достанем»!

В 1930-1931 годах из деревень в ссылку было отправлено два с половиной миллиона человек! Кроме того, немало крестьян расстреляли или отправили в концлагеря.

Не обошлось здесь конечно же и без Сталина, являвшимся ярким сторонником самых жестких карательных мер против крестьян, которые вообще считались тогда людьми второго сорта. Коммунисты делали ставку на пролетариат, надеясь на поддержку рабочего класса.

Именно Сталин и организовал закрытые судебные процессы против «Трудовой крестьянской партии», заявив, что это антисоветское политическое образование. Самое интересное, что такой партии вообще не существовало. Но зато как удобно было на волне борьбы с деревней начинить эту «партию» негодными кремлевскому сатрапу политиками, учеными и прочей интеллигенцией, избавиться от них якобы на законном основании. А фабриковать дела коммунисты умели уже и в то время. 1300 человек (сухая безделица по масштабам сталинских репрессий) были пропущены через мясорубку этих процессов и приговорены к различным тюремным срокам. Некоторые из них были позже расстреляны.

Несмотря на свое пренебрежительное отношение к крестьянам, большевики понимали, что обойтись без их помощи невозможно, ведь доля сельских жителей в предреволюционной России составляла примерно 78%. К тому же они являлись и основной частью армии, воспользоваться помощью которой мечтали революционеры.

И вот при помощи агитаторов солдатам стало известно, что некий Ленин, главный среди большевиков, провозгласил «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим». Лозунг, разумеется, гениальный. Коротко и ясно. И до того хотелось в это верить, что и верилось. Желал ли Ленин сразу надуть земледельцев, или эта мысль пришла ему в голову позже, понять сейчас трудно. Но это предложение, от которого трудно отказаться, на определенную часть крестьянства подействовало очень положительно.

Шла первая мировая война. В 1917 году вклад России в составе Антанты (Франция, Россия, Британия, примкнувшие к ним позже Америка и другие страны) в противоборстве против тройственного союза (Германия, Венгрия и Османская империя) был очень значителен. Российская армия удерживала линию фронта более чем в 1500 километров. Из 262 вражеских дивизий, воюющих в Европе, она сковала 120. В Азии Россия противостояла 29-ти из 54-х турецких дивизий.

Австро-Венгрия и Германия оказались в плотном кольце блокады, организованной им Великобританией. Особенно от этого страдала Германия. Мало того, что ей стало остро не хватать продуктов и стратегического сырья, так еще и осенью по всей стране новая беда – неурожай картошки и зерновых. К тому же, если в 1913 году в Германию было завезено 54 тысячи тонн сливочного масла, то до окончания войны – ни единого грамма. Тоже самое касалось и многих других продуктов. Плохо питались поэтому и солдаты на передовых позициях. Единственное, что еще как-то спасало немцев – невиданный урожай брюквы. Потому-то этот голодный период в Германии и получил название «Брюквенная зима». Но одной брюквой сыт не будешь, и снарядов из нее не сделаешь. Еще немного, и Антанта могла бы немцев дожать, одержать решительную победу.

Но в дело вмешались большевистские агитаторы с приятным для крестьянских солдат предложением – хватит гнить в окопах и подвергать свои жизни опасности, возвращайтесь домой и пашите землю.

Вопреки решительному настрою Временного правительства довести войну до победного конца, который объективно вот-вот должен был наступить, начался мощный отток солдат с передовых позиций (Несмотря на это Антанта все равно одержала победу, произошло это 11 ноября 1918 года).

Отдельных дезертиров еще можно было остановить, но иногда с фронта снимались целые воинские части, с этими пришлось бы уже воевать.

Солдаты возвращались домой и с ружьями наперевес врывались в помещичьи усадьбы. Помещикам сообщали, что их земля уже не их, и что она будет поделена между теми, кто ее обрабатывает. Человек с ружьем – сила грозная. Тем более такая, никем кроме самих себя не управляемая, да еще и нашпигованная большевистской пропагандой.

При этом помещичьи дома грабили, изымая все ценности. Если хозяева смели возмущаться, то им объясняли, что все это приобретено за счет эксплуатации трудового народа, который сейчас забирает только то, что ему и положено. Если же хозяева попадались очень нервные, желающие защитить свое добро, то для них в винтовках всегда находились пули.

Особо массовым стал грабеж помещиков после того, как 26 октября 1917 года вышел первый декрет о земле. Составлен он был по проекту эсеров – крупнейшей крестьянской партии. В декрете четко и очень ясно было прописано: «Конфискация помещичьих земель и имений».

Кстати, очень скоро большевики расправились и с эсерами, и со всеми другими политическими партиями, многие члены которых, несмотря на общую победу над царизмом, были расстреляны или рассажены по тюрьмам. С тех пор в стране установилась абсолютная коммунистическая диктатура.

19 февраля 1918 года Ленин ловко подправил первый декрет о земле. В нем, в частности, теперь содержались и такие слова: «Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда».

Таким образом, оказалось, что крестьяне попали в еще худшее положение, чем при царизме. Эта поправка лишила собственности даже тех, кто получил надел земли при отмене крепостного права. Теперь земля принадлежала государству, а даже ее бывшие владельцы стали всего лишь арендаторами.

И Первая мировая, и гражданская войны оторвали крестьян от работы. В стране ощущалась нехватка зерна. А где его взять? У тех же самых крестьян, конечно. В первую очередь, у кулаков. Да, конечно, грабили как будто бы и законно, ведь хлеб забирался в обмен на деньги. Только вот деньги эти были уже совершенно обесценены и мало кого интересовали. Крестьянам нужны были гвозди, сельскохозяйственные инвентарь и орудия, кожи, мануфактура и другие промышленные товары. Но этого государство им не предоставляло.

Те кто, как считали власти, имел излишки хлеба и не сообщал об этом в недельный срок, подлежали не менее чем десятилетнему тюремному заключению. Соседи, донесшие на «укрывателей хлебных запасов» премировались половиной стоимости изъятого. Добровольцев-доносчиков нашлось в деревнях очень много.

Были созданы специальные, состоящие, в основном, из рабочих, матросов и солдат продотряды, задачей которых было опустошение крестьянских амбаров и расправа над их владельцами. Численность каждого такого отряда была не менее 75 человек, снабженных 2-3 пулеметами.

Первые попытки заменить индивидуальные крестьянские хозяйства общими коллективными были предприняты еще в 1918 году, но тогда они оказались безуспешными.

Потребовалась помощь хорошо проинструктированных агитаторов, чтобы объяснить: «Бедные крестьяне только выиграют от этого, ведь для общих нужд будет изъято все имущество кулаков. В собственность коллективных хозяйств отойдут их земли, дома, скот и все остальное имущество».

Это был излюбленный прием большевиков – призывать отнимать и разделять. Собственно, и вся их революционная деятельность была построена именно по этому принципу. Неважно, что благополучие богатых крестьян – это, в основном, результат их тяжелой каждодневной работы. В данном случае важно то, что зависть – великая движущая сила.

С другой стороны, совершенно естественно, что богатые крестьяне не понимали, почему должны отдать результаты собственного многолетнего труда в общественное пользование. Многие из них вынуждены были взяться за оружие.

Власти своими обещаниями, а главное, действиями, дали понять, что особо зажиточных крестьян и тех, кто не желает вступать в колхоз, будут карать. Большевики обещали равенство, и хоть в этом они были более-менее последовательны, причем, не только в отношении деревни, но и во всем остальном. Богатых людей расстреливали или сажали в тюрьмы и в городах. Основная часть населения горячо поддерживала эту идею. Быть слишком богатым или слишком умным, понимала она, это преступление. Потому-то и ненавидела интеллигенцию, всяких там профессоров, писателей, ученых и философов. Люди не понимали, почему одни – умные, а другие – нет. По какому праву? Отчего такое неравенство? В данном случае хоть немного уравнивать их могло только исчезновение цвета российской интеллигенции. Вот потому-то и приветствовались «философские пароходы» – изгнание, в основном, на этом виде водного транспорта, потому-то оно и получило такое название. Дабы за границей не думали, что сосланных интеллигентов еще и грабили, руководство страны разрешило каждому взять с собой запасную одежду: пару брюк, пару ботинок, две пары носков, пиджак, две пары кальсон. Все остальное имущество и деньги поступали в собственность государства.

Но то люди известные, их расстрелы вызвали бы очередную порцию нежелательных разговоров за границей и обвинений большевистской власти. Ну а крестьян, даже самых богатых, высylать за границу не имело ни малейшего смысла. Во-первых, их никто не знает, а значит и не заступится, во-вторых, место для ссылки для них найдется и на родине.

Издевательства над крестьянами ни к чему хорошему страну не привели. В 1921-22 годах голод в Поволжье, например, стал причиной смерти около пяти миллионов человек. Продотряды, а также местные коммунисты и комсомольцы выгребали у крестьян абсолютно все продукты, в результате чего в 1931-1932 годах жертвами голода стали еще почти семь миллионов человек.

Единоличные крестьянские хозяйства служили для большевиков помехой. Красноармейцы могли явиться к кулакам или единоличникам среди ночи и отправить их в ссылку. Иногда издевательски направляли членов одной семьи в совершенные разные районы страны. Всех, кто оказывал сопротивление, расстреливали на месте.

Весной 1933 года, как только в Сибири на реке Обь началась навигация, в город Томск привезли выживших по дороге ссыльных крестьян. На нескольких караванах судов их доставили на остров посреди реки, недалеко от деревни Назино.

Ни одного дома или хотя бы барака для них подготовлено не было. Приходилось самим лепить жилища из поваленных деревьев или рыть землянки.

Голод доводил крестьян до такой степени, что некоторые родители убивали своих детей, расчленяли их и съедали. Жители Назино называли это поселение «Остров людоедов».

Случаи каннибализма среди умирающих от голода ссыльных были зарегистрированы и в других районах Советского Союза.

Хорошо еще если фельдшер проживал в соседних деревнях, а то, бывало, за медицинской помощью нужно было ехать за сотни километров. Брать с собой в ссылку запасную одежду запрещалось, ведь она могла пригодиться более достойным людям. Поэтому когда кто-нибудь умирал, то крестьяне не брезговали его одеянием, которое соседи распределяли между собой.

Несмотря на такие невыносимые условия, ссыльные должны были отработывать по 12 часов в день. Но уже не на себя, а на государство. Ничего удивительного в том, что многие поселенцы умирали прямо на работе.

Существуют многочисленные публикации, утверждающие, что ничего подобного не было, и никто крестьян не преследовал. Коммунисты говорят, что и ужасы пребывания ссыльных в районе деревни Назино – преувеличение.

Но нет, господа, вернее, товарищи (так после революции большевики приказали именоваться гражданам), ничего подобного, снова врете, выгораживая свою партию и дорогого вам палача Сталина. Все это подтверждается воспоминаниями и документами. В том числе, и история «Острова людоедов». Сохранились, например, официальные доклады о происходящем, написанные инструктором-пропагандистом Нарымского окружкома коммунистической партии товарищем Величко. Они были направлены по трем адресам, в том числе и вашему обожаемому кремлевскому кумиру.

Илья Бутман

ПОЭТ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Детство мальчика Оси трудно было назвать безоблачным. Лишь в 1942 году, вкусив все прелести суровой и очень голодной ленинградской блокадной зимы, им с матерью удалось эвакуироваться. В Ленинград они вернулись в 1944 году.

В 1947 году Ося пошел в школу. Учился он весьма средне, не испытывая к этому занятию особой тяги. Потому и окончил всего семь классов. В 1954 году попытался поступить в морское училище, но принят туда не был. А в школе его дела обстояли все хуже. И тогда Ося вообще ее бросил и поступил на завод учеником фрезеровщика. Но эта работа не очень его устраивала. Сделал еще попытку поступить в школу подводников, но снова неудачно. Задумавшись о своем будущем, Ося понял, что очень хочет стать врачом. И тут же начал действовать. Покинув завод, юноша устроился в морг помощником прозектора. Там ему доверили анатомирование трупов, вот тогда-то Ося и разочаровался в медицине. После этого он работал в котельной, что ему быстро надоело. Захотелось романтики. В морские училища его не приняли, а вот матросом на маяк взяли сразу. Но никакой романтики Ося там не ощутил, хотелось путешествовать, а не отсиживаться на маяке. Вскоре он уволился.

Узнав о том, что требуются рабочие для геологических экспедиций, Ося направился в научно-исследовательский институт геологии и Арктики. Очень волновался, возьмут ли его на эту работу. Взяли. Юноша обрадовался, вот она, возможность путешествовать. В 1957 и 1958 году он работал в районе Белого моря, в 1959 и в 1961 годах в Сибири и в Якутии.

Учиться в школе Осе было не интересно, но, несмотря на это, у него была огромная тяга к знаниям. Он начал самостоятельно изучать английский язык. Однажды прочитал сборник стихов и поэм Адама Мицкевича. Был так восхищен, что захотел ознакомиться с ними в подлиннике. Начал изучать и польский язык. Он вообще очень много читал, в основном, поэтические, философские и религиозные сборники. Даже в экспедиции брал эти книги с собой и проводил за ними почти все свое свободное время. И это несмотря на то, что работа там у него была очень тяжелая.

А еще Иосиф Бродский и сам начал писать стихи. Ему было девятнадцать лет, когда он познакомился с замечательным поэтом Евгением Рейном. А тот уже познакомил его с Уфляндом, Довлатовым и Окуджавой.

В 1960 году Бродский впервые выступил со своими стихами в зале Дворца культуры имени имени Горького. И не один, а с настоящими корифеями советской поэзии.

С этого времени об Иосифе Бродском заговорили. Некоторые с таким восторгом, что называли это двадцатилетнего молодого человека уже состоявшимся и очень талантливым поэтом.

Но с публикациями дела у Бродского складывались совсем не так, как положено талантливому поэту. Никто не торопился печатать его стихи. Оно и понятно, ведь Бродский не писал о тружениках сельского хозяйства, о мозолистых руках рабочих-станочников, о руководящей роли коммунистической партии и об ужасах капиталистического общества.

Лишь в конце 1962 году в детском журнале «Костер» с сокращениями было опубликовано стихотворение Бродского «Баллада о маленьком буксире». Позже в печати появились и другие, очень немногочисленные работы поэта для взрослых. Но и их хватило для того, чтобы в ноябре 1963 года в газете «Вечерний Ленинград» была опубликована статья «Окололитературный трутень». В статье сообщалось о «паразитическом образе жизни» Бродского. К тому же ему приписывались якобы противосоветские строчки. Авторы этого пасквиля возмутило само название стихотворения «Люби проездом родину друзей». Они преподнесли идею стихотворения как «Люблю я родину чужую». А ведь для советского человека было предопределено не только патриотично любить свою родину, но и не любить чужую. И мать, и отец поэта приветствовали литературную деятельность Иосифа, и помогали ему. Одна из газет преподнесла это как жизнь тунеядца за счет подачек его родителей.

Преследования неугодных граждан чаще всего производились по определенному трафарету. Далее следовало ожидать того, что будут организованы возмущенные письма граждан. Подобные письма создавались самими работниками КГБ (Комитета государственной безопасности) и размещались в печати. Бывало, что от лениности или занятости эта обязанность КГБ перекладывал на редакторов изданий.

И эти письма, конечно же, появились. Иосиф Бродский был заклеен за тунеядство, космополитизм, нежелание в едином строю со всем советским народом из светлого сегодняшнего социализма стремиться к достижению еще более светлого завтра, высшего блага для всего человечества – коммунизма. В каждом письме содержалось требование покарать этого тунеядца.

По советским законам не работать имели право только дети, пенсионеры и инвалиды. Остальные или трудились, или сидели в тюрьмах. Бродский понимал, что вот-вот может быть арестован. К тому же он переживал тяжелую душевную травму – расставание со своей любимой женщиной, Марианной Басмановой. Все это привело к тому, что поэт пытался покончить с собой. К счастью, неудачно.

И Бродский действительно был арестован за тунеядство. Произошло это 13 января 1964 года. А на следующий день поэту стало в камере плохо. Это был первый в его жизни приступ стенокардии, болезни, которая с тех пор постоянно его сопровождала.

При советской власти мало было посадить неугодного человека в камеру. Над ним нужно было еще и поиздеваться. В феврале 1964 года Бродского на три недели отправили в психиатрическую больницу. Там по ночам его расталкивали, тащили в ванну и погружали в ледяную воду. Потом обматывали мокрой простыней и укладывали рядом с горячей батареей. Вскоре простыня высыхала и врезалась в тело. Боль была нестерпимой, но Бродский не мог при этом и пошевелиться. Сначала поэт пытался сопротивляться, но дюжие санитары легко его от этого «отговорили».

На следующем заседании суда адвокат доказывал, что Бродский тунеядцем не является, а наоборот, очень трудолюбив. К тому времени он зарабатывал тем, что получал заказы на поэтические переводы с английского языка. В качестве свидетелей выступили и несколько известных поэтов, которые утверждали, Иосиф Бродский настолько талантлив, что является гордостью советской литературы. Но к словам адвоката и поэтов не прислушались, решение суда было, разумеется, предreshено заранее. Судья считал, что если человек не является членом Союза писателей, то его стихи не могут быть талантливыми. Все понимали, этот суд был всего лишь формальностью, организованной для того, чтобы придать приговору якобы законную силу. Свою речь адвокат закончил словами: «Ни один из свидетелей обвинения Бродского не знает, стихов его не читал; свидетели обвинения дают показания на основании каких-то непонятным путем полученных и непроверенных документов, но высказывают свое мнение, произнося обвинительные речи».

Бродского приговорили к пяти годам обязательного труда и отправили в деревню под Архангельск. Возвращаясь с принудительной работы, Иосиф Александрович каждый день несколько часов посвящал усовершенствованию своего английского языка и работе над собственными стихами.

Для того, чтобы возбудить интерес к судьбе поэта за границей, его друзья переправили стихи Бродского в эмигрантские издания «Посев», «Грани», и т.д. Запись суда над поэтом была также передана за рубеж и опубликована в центральных западных изданиях, зачитывалась по радио.

Инициативная группа, организованная для борьбы за освобождение Иосифа Александровича, рассылала письма в судебные и партийные инстанции. Подписывали эти письма некоторые влиятельные и уважаемые писатели, композиторы, художники и ученые Советского Союза. На адрес этих же организаций приходили протесты и из других стран. Но наибольшее опасение у советских властей вызвал поток писем от зарубежных писателей. Особенно обращение к советскому правительству Жана-Поль Сартра, который намекнул, из-за того, что случилось с Бродским, на Европейском литературном форуме советская делегация может оказаться в весьма щекотливой ситуации. Не желая еще больше раздувать из-за какого-то там «бездарного поэтишки» скандал, который и так по этому поводу уже разгорелся, правительство приняло решение Иосифа Александровича освободить.

В 1965 году Бродский сдал в издательство «Советский писатель» рукопись своих стихов. Несколько поэтов, приглашенных для оценки его творчества, написали восторженные отзывы. Но, несмотря на это, партия и Комитет государственной безопасности издание этой книги запретили.

В 1966-67 годах детские стихи поэта, которые власти, видимо, считали безопасными для существования страны, в журналах иногда мелькали. За этот же период было опубликовано лишь четыре стихотворения для взрослых.

В 1968 году Иосиф Александрович был приглашен участвовать в международном поэтическом фестивале. Но советский посол в Лондоне нагло заявил, что такого поэта в СССР не существует.

А книги «несуществующего поэта» одна за другой выходили в Америке и в западных странах. Было понятно, что они передаются туда через иностранцев, в том числе и дипломатов, обыскивать которых не решались даже в Советском Союзе.

А на родине стихи Бродского перепечатывались на машинке и расходились среди многочисленных любителей его творчества. Выступить перед зрителями ему не разрешали, поэтому встречи с читателями он устраивал в квартирах своих друзей. Агенты Комитета государственной безопасности бдительно за Бродским следили. И все это очень их раздражало. Еще бы «такого поэта у нас нет», но в тоже время он знакомит читателей со своим творчеством, которое, оказывается, есть. К

тому же за границей «несуществующему поэту» то и дело присваивали всякие почетные звания. В 1971 году Бродский был избран членом Баварской академии изящных искусств. По этому поводу в одной из советских газетных статей с иронией вопрошалось, каков же уровень эта организации, если академиком в нее избран человек с семиклассным образованием? В баварской газете был опубликован ответ: «Каков же уровень большинства советских поэтов, если даже с высшим образованием они и близко не приближаются к уровню окончившего всего лишь семь классов выдающегося поэта Иосифа Бродского?»

Терпение советских функционеров лопнуло. Просто так расправиться со ставшим уже знаменитым поэтом, это вызвать бурю возмущения во всем мире. Поэтому было решено просто выдворить его из страны.

В мае 1974 года Бродского обязали явиться в ОВИР (организация, занимающаяся регистрацией иностранцев и советских граждан, приезжающих в СССР или его покидающих). Ему предложили немедленно покинуть Советский Союз или пройти «лечение» в психиатрической больнице. В 1964 году Михаил Александрович уже дважды таким образом «лечился», и прекрасно знал, каким невероятным пыткам, если не согласится на первое предложение, будет снова подвергнут. Это негласно называлось тогда в Советском Союзе карательной медициной. Бродский позже рассказывал, что, на его взгляд, такое «лечение» было гораздо страшнее даже тюрьмы и ссылки. Выхода не было, со своим больным сердцем Иосиф Александрович очередных пыток просто не выдержал бы.

С другой стороны, уже в двадцать лет Бродский понял всю «прелесть» социалистического строя. Вместе со своим другом, бывшим летчиком Олегом Шахматовым, он пытался разработать план захвата самолета, чтобы покинуть пределы Советского Союза. Но вдвоем с этим справиться они не могли, а надежных помощников у них не нашлось.

Иосиф Александрович согласился покинуть не очень гостеприимную для него родину. Поэт был лишен советского гражданства и 4 июня 1972 года вылетел в Вену. В аэропорту его уже ожидал профессор Карл Проффер. Он предложил Бродскому читать лекции о поэзии в Мичиганском университете. Иосиф Александрович с радостью на это согласился.

Вскоре Бродского снова пригласили принять участие в Международном фестивале поэзии в Лондоне. На этот раз никто уже не сказал, что такого поэта не существует, и Михаил Александрович, наконец-то, вылетел в Англию.

Вернувшись, он продолжил свою преподавательскую деятельность. Его наперебой приглашали на профессорские должности и в другие университеты. Всего за 24 года поэт преподавал в шести американских и английских университетах.

В 1987 году Бродский стал лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Родители поэта все эти годы мечтали увидеть сына. Они двенадцать раз обращались с просьбой разрешить им хотя бы кратковременный выезд за границу, даже не обязательно в США, ведь ради встречи с ними сын был готов прилететь и в любую другую страну. Не разрешили им посетить сына даже тогда, когда ему сделали тяжелейшую операцию на сердце. Мечте родителей не позволено было сбыться, они никогда уже не смогли обнять своего сына. Матери Михаила Александровича не стало в 1983 году. Через год умер и его отец. Оба раза Бродскому мстительно было отказано в приезде на похороны родителей.

Лишь только после падения советской власти поэта начали интенсивно печатать и на родине. Но сам он туда уже никогда не возвращался.

Иосиф Александрович Бродский умер от инфаркта у себя дома в январе 1996 года. Поэту было тогда всего лишь 55 лет.

Илья Бутман

ЧЕТЫРЕЖДЫ ПРЕДАННЫЙ

В 1930 году из Чернигова в Ленинград, поступать на биологический факультет Ленинградского университета, приехал юный Ося Рапопорт. После защиты дипломной работы ему в голову пришла мысль закончить курс генетики. А ведь он не мог не знать, что эта наука подвергалась в Советском Союзе яростным нападкам. Первые идеологические обвинения генетикам начали предъявлять в 1929 году.

В 1939 году Иосиф Рапопорт защитил кандидатскую диссертацию и стал старшим научным сотрудником Института Экспериментальной биологии АН СССР.

Возглавлял гонения на генетиков академик Лысенко, который пользовался особым расположением Сталина. Например, решающую речь академика, произнесенную им в августе 1948 года, Сталин редактировал лично.

Мощная волна репрессий обрушилась на генетиков в 1937 году. Тогда многие ученые вынуждены были отказаться от своих принципов, покаяться перед всесильным академиком.

Но группа молодых ученых, в том числе и Иосиф Рапопорт, не побоялись вступить с Лысенко в открытые дискуссии. Многие жестоко за это поплатились. Рапопорта спасла война.

Он сразу ушел добровольцем на фронт.

Командовал сначала стрелковым, а потом и десантным батальонами. Был начальником штаба полка гвардейской стрелковой дивизии. Два раза Иосиф Рапопорт был тяжело ранен. Потерял глаз. Офицер был награжден орденом Суворова, тремя орденами Отечественной войны, двумя орденами Красного Знамени. Казалось бы, Родина по достоинству оценила подвиги храброго и умелого офицера. Увы, ничего подобного.

Командование армии, в которой служил Рапопорт, трижды официально оформляло на него наградные листы на звание Героя Советского Союза. И все три раза офицеру в этом звании было отказано.

Откуда эти ноги растут было понятно. Росли они из туловищ товарища Сталина и других руководителей государства. После войны некоторые советские военачальники, начиная с Жукова, признавались, что награды, к которым они представляли воинов-евреев, очень часто незаслуженно отвергались вышестоящим начальством.

В 1943 году, когда капитану Рапопорту было приказано форсировать Днепр в строго определенном месте, он проигнорировал приказ командования и переправил два своих батальона на другом, менее укрепленном немцами участке. Таким образом, капитан спас жизни многим своим подчиненным. Эти батальоны 13 часов удерживали под Киевом плацдарм у деревни Мишурич Рог. 37 солдат и офицеров переправившейся дивизии стали Героями Советского Союза. Главный виновник удачной переправы, Иосиф Рапопорт, также был представлен к этому званию, но так его и не получил.

В конце 1944 года батальон капитана Рапопорта выбил фашистов сразу с нескольких занимаемых ими позиций в Венгрии. Преследуя врага, капитан умело перебросил свой батальон, обойдя заминированный мост. А далее, три недели подряд, батальон шел вперед, уничтожая немцев и освобождая от них города и села. За это время было захвачено почти 500 пушек и минометов противника, около двух тысяч гитлеровцев пленено. 25 декабря Рапопорт был тяжело ранен, но до конца боя госпитализироваться отказывался.

Командующий четвертой гвардейской армии представил Иосифа Абрамовича к званию Героя Советского Союза. Но вместо этого Рапопорту был вручен орден.

Накануне победы, 8 мая 1945 года, отряд 7-й воздушно-десантной дивизии под командованием майора Рапопорта, был переброшен в тыл противника в Австрии. Их появление перед фашистами было настолько неожиданным, что немцы оставили 3 города со всеми окружающими их деревнями. Паника была такая, что отряд захватил 43 танка, 17 бронетранспортеров, 350 автомобилей, около 400 пушек и множество железнодорожных составов. 37 тысяч нацистов сдались отряду Рапопорта в плен. Почти невозможно поверить, но в распоряжении майора находились только один стрелковый батальон и дивизион самоходных пушек. К тому времени, когда немцы сообразили, что против них действует совсем небольшое подразделение, их боевая мощь была уже подорвана, да и основные силы советской армии находились уже совсем близко. Результатом прорыва явилось соединение отряда с американцами в районе города Амштеттен. Широко известна лишь встреча наших войск с американскими частями на Эльбе. А об этой встрече у нас почему-то почти никогда не упоминается. И это несмотря на то, что именно у Амштеттена установлена стела, на которой написано: «Здесь закончилась Вторая мировая война».

Разумеется, за такой выдающийся подвиг командование армии уже традиционно представило Рапопорта к званию Героя Советского союза. Но не менее традиционно Рапопорту было в этом отказано.

Казалось бы, после войны отчаянная храбрость майора уже не найдет применения. Но, увы, она понадобилась здесь Рапопорту не меньше, чем на фронте.

В 1945 году Иосиф Абрамович вернулся в институт Экспериментальной биологии.

В 1946 году в «Докладах АН СССР» была опубликована работа Рапопорта, посвященная химическому мутагенезу. Затем последовали новые публикации и новые открытия.

Но в 1948 году, после очередной сессии ВАСХНИЛа, на которой лысенковцы праздновали победу, Иосиф Абрамович за свои «лженаучные» взгляды был исключен из партии и уволен из института.

Почти 10 лет партия и правительство, которых Рапопорт защищал на фронте, откровенно над ним издевались. Стоило ученому устроиться на новую работу, как при ближайшей кадровой проверке его тут же увольняли.

Пришлось скрыться подальше от бдительных партийных начальников. Иосиф Абрамович подался палеонтологом в геологическую экспедицию. Здесь Рапопорт сделал новое открытие.

Он обнаружил группу микроорганизмов, наличие которых указывало на близость нефти. Это было настолько важно, что Иосифу Абрамовичу посоветовали защитить диссертацию. Но вдруг выяснилось, Рапопорт – тот самый генетик, который решительно и нагло выступил против самого Лысенко. Испуганное начальство тут же ученого уволило.

В 1956 году Хрущев выступил со своей разоблачительной антисталинской речью. После этого настал период так называемой «оттепели» – временного ослабления идеологического гнета.

В 1956 году директор Института химической физики, академик Николай Николаевич Семенов, стал лауреатом Нобелевской премии. Обрадованный Хрущев поинтересовался, что нужно Семенову для усиления научной деятельности вверенного ему института. Николай Николаевич сказал, что ему необходимо организовать в институте группу по изучению химического мутагенеза во главе с Рапопортом. Хрущев поморщился. Подобные фамилии всегда вызывали у него оскормину. Но отказывать вновь испеченному Нобелевскому лауреату Хрущев не стал.

В этом институте Иосиф Абрамович проработал до самой смерти.

И после войны Рапопорт получил немало наград. Казалось бы, страна по праву благодарит своего ученого. Но как поступала она на фронте, так поступила и теперь, заменив другими наградами самое высшее для ученого звание.

Советские власти получили извещение о том, что ученый был выдвинут на Нобелевскую премию. От Иосифа Абрамовича потребовали немедленно восстановиться в партии. Рапопорт категорически от этого отказался. Тогда советское руководство сообщило в Нобелевский комитет, что возражает против присвоения Рапопорту столь высокого международного звания. Более того, был мстительно изъят из торговых точек и полностью уничтожен весь тираж книги Иосифа Абрамовича «Микрогенетика».

А ведь именно благодаря Рапопорту мир узнал о сильном активаторе роста многоклеточных организмов – парааминобензойной кислоте, коротко именуемой ПАБК. Если перед посевом семена обрабатывают этим веществом, то они становятся намного устойчивей к воздействиям окружающей среды, а урожайность повышается до 30%.

Фронтные раны давали о себе знать. Внешне они напоминали о себе лишь повязкой на левом глазу. С начала 90-х годов у Рапопорта начала развиваться

катаракта. Зрение совсем испортилось. В декабре 1990 года Иосиф Абрамович переходил улицу и попал под грузовик.

Незаслуженно лишенный Родиной звания Нобелевского лауреата, трижды лишенный ею звания Героя Советского Союза, великий воин и великий ученый умер в больнице 31 декабря 1990 года.

Илья Бутман